



Наталья Савельева
Пустынная дорога смерти

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Савельева Н. М.

Пустынная дорога смерти / Н. М. Савельева — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Чего стоит жизнь человека без смысла и цели? Что если он потерял всё и теперь смерть не пугает его? Маленький городок на окраине штата. Маленький городок полный тайн, скрывающихся в непроницаемом тумане. Он знает ответы на все вопросы, он следит за своими жителями. Что он расскажет местному шерифу? Поможет ли он ему раскрыть преступление, вернуть веру и увидеть истину?

Пустынная дорога смерти.

Пролог.

Могилы... Моросающий, холодный дождь... серое, нависшее словно неведомое, древнее существо, небо... Ангел смерти Азраил, сложивший свои огромные чёрные крылья и стоящий у входа в Мрачные врата. Его окружают белые, будто первый январский снег, лилии и чёрные, словно бездонное ночное небо, розы. Они тонут в густом, клубящемся тумане. Их окружает белёсая, мутная пустота. Шипы роз ядовиты и остры, как только что наточенное лезвие хладнокровного убийцы. Их отравил Ниарцинель тремя каплями смерти: первая прекращает жизненный путь, вторая являет собой горькую желчь смерти, третья навеки завершает начатое...

Это неизбежная часть нашего существования. Мы рождаемся и умираем. Всю жизнь мы ищем пути там, где их нет, а потом нас засыпают чёрной могильной землёй, закрывая печатью гниения уста. Мы стремимся к небесным высотам, желая познать их величие и силу, но за ними скрывается лишь беспредельная, холодная пустота... Небеса безразличны к нашим мечтам и желаниям. Они давят нас, заставляя разбиться, отбирая дыхание. Так мы умираем... Это извечный цикл. Всё живое со временем обречено на увядание, на превращение в первородную пыль забвения. Всё старое уступает тернистый путь к свету новому. Мир меняется. Время мчится неумолимо быстро на своей колеснице. Мы рождаемся и умираем. Но тьма знает, как остановить время, тьма знает, как прекратить цикл...

«...Erat autem angelus mors non habet potestatem super umbra. Illa refert immortalitatem, non caelum et benedictus Deus veritatis...»

(И ангел смерти не властен над её тенью. Она дарует проклятое бессмертие, а не истинное, благословлённое небесами и Богом...)

Часть 1

Город Теней и Туманов.

«Лучший дар, который мы получили от природы и который лишает нас великого права жаловаться – это возможность сбежать. Природа назначила нам лишь один путь появления на свет, но указала нам тысячи способов, как уйти из жизни.»

М. Монтень

Брось чёрную землю в могилу, на гроб,
Стой, слушая стоны забытых.
И кружат вороны, дождь тихую дробь
Бьёт грустно по плитам могильным.

Ты слышишь мученья? И крики в аду?
Считаешь всё это лишь бредом?
Они среди нас, они уже тут.
В тени проклинаят рассветы.

Ты видишь пустыню? Дорогу в тени
Под сводом свинцового неба?
Где чёрные скалы в слой пепла вросли,
И море вскипело от гнева.

И чёрные птицы, кружась над водой,
Всё ищут своё отраженье.
Здесь демонов нету, и Бог здесь слепой,
И ангелы пали в забвенье.

Брось чёрную землю в могилу, на гроб.
Отринь всё бывшее навечно.
Ведь страх твой – метанье средь призрачных троп,
Мученье твоё бесконечно.

1

Густой и едкой сигаретный дым тяжёлым, непроницаемым облаком наполнял полупустой зал старого, придорожного бара. Большинство столов были убраны и на них стояли перевернутые стулья. Бармен устало протирал пивные бокалы докуривая дешёвую сигару с очень резким отталкивающим запахом. Его чёрные, сальные волосы были причудливо взъерошены, а рукава некогда белой рубашки закатаны по локоть. В помещении стояла невыносимая духота, смешанная с тяжёлым дымом курительных смесей. От двух последних сонных посетителей исходил резкий запах спиртного.

Глаза Дина слегка покраснели, его начало клонить в сон. На лбу и щеках его выступили маленькие, блестящие капельки пота. Он немного ослабил галстук и расстегнул две верхние пуговицы на рубашке. Свой дорогой светло-коричневый плащ он небрежно бросил на свободный стул, стоявший напротив него. Поставив ноги на стол Дин достал из кармана заканчивающуюся пачку «Мальборо», взял сигарету и нервно закурил. С юношеских лет Дин знал меру, и когда его друзей и одноклассников рвало от выпитого, он любил стоять и самодовольно наблюдать за происходящим со стороны. Да, пил он немного, но часто. Каждый вечер он приходил сюда, в придорожный бар Нила, садился за этот столик и медленно убивал своё свободное время и крепкое здоровье, заливая пустоты в душе дешёвым алкоголем. Он был шерифом, поэтому жители города никогда не осуждали его за пристрастие к спиртному. Со временем осознав это он всё чаще начал списывать такие вечерние посиделки на сложную, напряжённую работу, обманывая таким образом не только окружающих, но и себя.

За окном моросил противный мелкий дождь вперемешку с быстро тающей снежной крупой. Дин задумчиво смотрел сквозь вьющийся и летящий к самому потолку дым своей сигареты на капли, лениво и причудливо стекающие по грязному стеклу. Сквозь мутную пелену дождя и сумрачную дымку, царившую в зале, он видел чёрные силуэты редких прохожих, исчезающих в таинственной тьме переплетений улиц. Тусклый, дрожащий свет фонаря освещал пустынную, сверкающую от холодных потоков дождевой воды, дорогу и создавал причудливые белёсые блики. В баре царил загадочный полумрак.

Дин не заметил, как последние посетители нетвёрдой шатающейся походкой, словно приплясывая под слышимую лишь им музыку, вышли из заведения. Он был глубоко погружён в свои мрачные мысли, давящие на его нетрезвое сознание. Что-то тревожное крылось в этом, обычном на первый взгляд, ноябрьском вечере, медленно наползшим на суетливый Грейвс-Сити и окутавшим его сетью снов, тишины и пустоты. Его размышления прервал хриплый голос незаметно подошедшего бармена:

– Мы закрываемся, – произнёс он, пристально разглядывая засидевшегося гостя. Дин быстро встал, расплатился и, небрежно накинув слегка помятый лёгкий плащ, вышел из бара. Его пшеничного цвета волосы взмокли от пота и были взъерошены, длинная щетина придавала его облику ещё более небрежный и причудливый вид. Потушив окурок своей сигареты, он печально посмотрел в затянутое тяжёлыми, чёрными тучами небо, давящее на мир тяжёлым, беззвёздным брюхом.

– Скверная погодка, да? – послышался слева знакомый голос. Дин резко повернулся к незваному собеседнику. Это был Израил, странный парень, немного пугавший Дина: высокий, жутко бледный, с длинными, чёрными волосами, иссиня-чёрными глазами и густыми, пушистыми ресницами, от которых взгляд его становился ещё более загадочным и мрачным. Он был худощав, у него были ярко выраженные квадратные скулы и тонкие, изящные, как у пианиста,

длинные пальцы. Он всё время носил чёрное, хотя Дин точно знал, что тот не принадлежит ни к каким новомодным субкультурам. Ему стало не по себе при виде его кривой, неприятной улыбки.

– Согласен, погода не самая лучшая, – пробурчал Дин поёжившись и доставая дрожащими руками ещё одну сигарету. Всё его существо снова охватил таинственный, безотчётный страх. – Будешь? – спросил он пытаясь успокоится и протягивая её своему собеседнику.

– Нет, спасибо, – брезгливо сморщившись и засунув руки в карманы своего дорого, чёрного пальто, отказал Израил.

В это время усталый бармен закрыл дверь бара на ключ и вяло побрёл в сторону своего дома, не глядя по сторонам. Он не удостоил своим вниманием двух странных собеседников, стоявших на крыльце и выглядевших весьма причудливо и комично в этот непогожий ноябрьский вечер. Дин никак не мог унять дрожь в руках и прикурить сигарету. Наконец у него получилось зажечь спичку, и он с облегчением втянул в себя ядовитый дым. Навес над порогом бара защищал его с Израилом от ноябрьского дождя со снегом, но не спасал от гулкой тишины и клубящегося мрака улиц. Любому одинокому прохожему, увидевшему этих странных, полных собеседников, освещаемых лишь тусклым, неживым светом фонаря, стало бы жутко, и он бы поспешил скорее скрыться из поля их зрения. Но они здесь были одни. Все жители прятались в недрах своих уютных квартир и домов, оставив сырость и холод улиц за порогом. Новая волна страха окатила Дина своим промозглым дыханием. Сигаретный дым возвращал его к реальности, оставляя во рту неприятный, горьковатый привкус.

– В такие вечера я часто думаю о смерти, – негромко сказал Израил, наблюдая за фееричным падением капель. Они падали, отвергнутые небом и запредельной пустотой вселенной. Они разбивались о вечность и забвение ночной темноты, и лишь избранные слышали их печальную, прощальную мелодию. Глаза Израила странно сверкали в тихом сумраке пустынных улиц. Холодными цепями теней тёплое тело Дина сковал ледяной, безумный порыв страха. Ему хотелось сбежать отсюда, как можно дальше от этого странного парня, от причудливого, гротескного города. Он едва сдержался, чтобы не закричать, и, переселив себя и пытаясь подавить леденящий душу ужас, похлопал по-дружески Израила по плечу.

– Ну, парень. Ты ещё молод. Рано тебе думать о смерти, – наигранно бодро произнёс Дин. Израил как-то странно и горько улыбнулся, но ничего не ответил. Он неотрывно смотрел на падающие и сверкающие в холодном, электрическом свете уличного фонаря, капли. Падая с большой, чёрной высоты, они разбивались о серое дорожное покрытие, отвергнутые небом. Дин угрюмо наблюдал за сизым дымом сигареты, выходящим тонким, призрачным столбиком. Сквозь него всё казалось неясным, сюрреалистическим, неестественным, словно причудливый сон безумца, нарисованный больным сознанием.

– И всё же в такие вечера только мрачные мысли заполняют разум, скованный меланхолией, – вздохнул Израил, пронзая Дина взглядом своих иссиня-чёрных, таинственных глаз. – Нам не сбежать от неё, как быстро бы мы не мчались, не спрятаться, какие бы укромные уголки мы не находили.

– Не стоит думать о конце, нужно просто наслаждаться жизнью и радоваться каждому дню, каким бы сложным и непогожим он не был, – приободрившись произнёс Дин.

– Возможно это правильный подход.

Израил отвернулся и снова начал наблюдать за искусным и древним, как мир, танцем дождя, жадно выхватывая взглядом отдельные крупные капли из этой серой мороси. Дин косо смотрел на него, выпуская клубы сизого сигаретного дыма через нос. Непонятное, но цепкое чувство страха лишь росло, а выпитый алкоголь начинал исчезать из горячий, наполняющейся адреналином крови. Он начал трезветь. Тишина вокруг них сделалась гнетущей, давящей на воспалённое сознание. Можно было услышать биение собственного сердца и шум горячей крови в ушах. Дин сходил с ума.

– Как поживает твоя мать? – спросил он, пытаясь развеять жуткое, гнетущее состояние. – Давно её не видел,

– Хорошо, – неохотно бросил Израил не отрывая взгляд своих бездонных глаз от капель. Чувствовалось, что он не хотел продолжать разговор на эту тему. Присутствие здесь, в полумраке пустынной улицы, рядом с этим странным парнем, так часто гуляющим по ночам, сделалось для Дина совсем невыносимым. Докурив сигарету, он протянул руку Израилу чтобы попрощаться по-дружески, но тот лишь сдержанно кивнул.

– У Вас завтра будет очень болеть голова, а работы будет много, – сочувственно произнёс парень и бесстрастно посмотрел в его сторону. Дин резко повернулся и зябко поёжившись вышел под холодную, противную ноябрьскую морось, смешанную с быстро тающей снежной крупой. Он шёл мимо спящих в ночном, таинственном сумраке, домов, мимо людей, безразлично смотрящих в запотевшие окна на город, укрытый холодной пеленой дождя, по тёмным, неосвещённым улицам и переулкам. Эти камни видели много человеческих драм, много боли и счастья. Они видели тёмные, пыльные тайны, сокрытые в сознании многих людей. Он шёл домой и думал о смерти, о безграничном, вечном пространстве, скрытом за облаками, о холодной, чёрной пустоте, существующей вне времени и замкнутого человеческого сознания. Дин чувствовал чьё-то незримое присутствие, чей-то холодный, бесстрастный взгляд. Этот город, казалось, наблюдал за ним.

2

Города. Они безмолвные хранители великой памяти и человеческих эмоций. Город – это не просто серые камни и подобное своеобразному лабиринту сплетение улиц, переулков и мостовых. У каждого города есть особая, живая и неповторимая душа, манящая или отталкивающая, таинственная и непостижимая, сокрытая за зашторенными окнами жителей и на дне сырых, заплесневелых колодцев.

Грейвс-Сити на первый взгляд обычный, тихий городок затерянный в лесах на окраине штата и умело хранящий свои полуистлевшие тайны за дверными засовами, в полумраке пыльных чердаков, шкафов и грязных чуланов. Город, в котором все жители знают друг друга в лицо, а большие и значимые события происходят очень редко. Это город, в котором старожилы рассказывают о суровых зимах, бушевавших в дни их давно увядшей молодости, о яростных лесных пожарах, угрожавших городу не одну сотню раз. Но все они молчат о страшных тайнах, сокрытых туманом, о жутких скелетах, хранящихся в причудливых шкафах памяти города. Они скрывают истинное лицо серого, безмолвного города могил. Сонный и тихий Грейвс-Сити с севера и с запада окружают высокие, тёмные, непроходимые леса, полные причудливой, но пугающей жизнью. Почвы там зыбкие и болотистые, местами превратившиеся в гиблые топи, полные страшными легендами. Ночами среди тяжёлых, удушливых испарений парят белёсые бесовские огоньки, являющие собой по мнению местных, души не упокоенных странников, погибших в этих бездонных трясилах. Чем дальше к востоку, тем почвы становятся более каменистыми, пейзажи менее живописными и всё больше навевающими уныние и скорбь. На востоке за чертой города раскинулась печальная, туманная пустошь, поросшая редкими серыми сорняками. Она поднимается на холм, где завершается резким высоким обрывом. А дальше мутное, бездонное небесное зеркало, именуемое Озером Духов, с небольшой, старой, полусгнившей пристанью. Именно с этого озера нередко на сонный городок напал непроходимый, клубящийся туман, похожий на мёртвое, холодное облако, упавшее с бесстрастных небес на грешную, гнилую землю.

Как Вы поняли Грейвс-Сити был мрачным, угрюмым и бесплодным городом, словно сама земля отрицала его и противилась его существованию. Это был город теней и туманов, обрывочных воспоминаний и разбитых надежд. Тёмными, бесконечными, угрюмыми ночами, когда души умерших кричат от боли и одиночества, сливаясь в причудливые картины с белёсой мглой, он навевал скорбь и увядание. Даже яркий свет электрических ламп не мог развеять

печаль, ставшей в этом городе вполне осязаемой материей. В Грейвс-Сити словно бы таилась некая тёмная и непостижимая тайна, уходящая корнями в далёкое, забытое всеми прошлое.

В городе были две основные дороги Соннет-Хилл-стрит и Хайзер-Хилл-стрит, пересекающиеся и образующие подобие креста, как бы в насмешку над верой и небом. На севере Хайзер-Хилл-стрит упиралась в мрачный лесной массив, в то время как на юге заканчивалась станцией Хезервинд, единственным выходом из этого забытого Богом, проклятого города. На западе Соннет-Хилл-стрит вела до ворот кладбища Колд Грейвс, на востоке поднималась на поросший сорняками холм и исчезала у входа на кладбище Сансет Хоррор. Одна лишь южная дорога могла вывести заплутавшего странника из Грейвс-Сити туда, куда осенью, во время холодов и дождей, в поисках тёплого, укромного, уютного уголка улетают перелётные птицы.

Это город, существующий вне времени, вне правил и законов этого мира. Здесь всё прошедшее не исчезает, а оставляет след на холодных, серых, бездушных камнях. В Грейвс-Сити незримые призраки смерти и тлена блуждают по укромным, пустынным улицам, садятся ужинать с жителями холодными, зимними вечерами, когда жуткое завывание ветра в трубе похоже на траурный плач баньши. Здесь эти призраки всегда сопутствуют живым, навевая меланхолию и нашёптывая мысли о смерти и тлене, о пустынной дороге из пепла, пролегающей среди бесплодных холмов.

С высокого западного холма, на котором раскинуло свои скорбные просторы кладбище Сансет Хоррор, с престола, окружённого нежными белыми розами, печальными «Афродитами», сидит погружённые в мрачные раздумья ангел смерти Азраил, с каменными крыльями, испещрёнными сотней пронзительных глаз, холодно и бесстрастно взирающих на сонный городок, разлагающийся изнутри от греха и тёмных тайн. Сам он смотрит на лежащий на коленях изящный меч и каменный терновый венок. Копать могилы здесь тяжело, все они неглубокие, едва прикрытые каменистой, бесплодной землёй. Когда солнце садится, и темнота прокрадывается к поросшим мхом надгробиям и крестам, Азраил единственный сторожит тревожный сон города, накрытого его гигантской тенью. На мгновение, лишь на одно мгновение, когда солнечный раскалённый диск окончательно скрывается за горизонтом, он словно оживает, возвращая себе былое величие и безграничную мощь. Он верен и подчинён только Богу... Он знает бесконечные сплетения дорог в царстве тьмы и страданий... Он слышит песни мёртвых и шёпота бесконечной череды душ, облачённой в саван тумана. Розы оплетают его каменный престол, покоряясь ему, как истинному, великому обладателю. Он видит чёрную душу Грейвс-Сити, лежащего у его ног словно змей с блестящей, скользкой, чёрной чешуёй. От него ничего нельзя скрыть, ведь сказано некогда о нём, что он – это глаза.

На востоке, на вязких, мягких почвах кладбища Колд-Грейвс восседает на своём престоле мрачный ангел смерти Аббадон-губитель. У ног его растут хрупкие и нежные лилии. Тяжёлый, жуткий взор его пронзает окрестности и город с восточной стороны. За спиной его начинаются дни и ночи. Так два ангела смерти встречают и провожают луну, солнце и звёзды, без усталости наблюдая за маленьким сонным городком, затерянным во времени и тумане. Они великие и несокрушимые хранители здешних угрюмых мест.

С двух древних церковных колоколен, стоящих друг напротив друга, одна севернее, другая южнее, два архангела, так же имеющие власть над смертью, распахнули свои мощные, каменные крылья, подставляя их холодному, суровому ветру. В центре Грейвс-Сити, в старом, угрюмом, тенистом парке восседает на своём престоле Самаэль. Он правит самым сердцем этого серого города, чья мелодия улиц и капель в сточных трубах напета гниением и смертью. Южная дорога ведёт в мир тепла и живых, светлых чувств, а дорога на север в тень густых, седых лесов, где должен править тёмный демон Ниарцинель. Но нет его престола, нет его каменного грозного образа. Ведь существуют тайны, укрытые глубоко под землёй...

Дин чувствовал, что происходит нечто страшное и ужасное, будто древнейшее зло восстаёт из засыпанной чёрной, кладбищенской землёй, забытой могилы, дабы затмить свет тьмой. Жизнь или смерть, что страшнее? Вечность или тлен? Он задумался вновь. Ответ крылся казалось совсем рядом, к каждой загадке есть ключ, открывающий пыльный ларец с истиной. Дин с грустью взглянул в загадочное, бездонно-чёрное ночное небо, лелеющее в беззвёздном пространстве древние, безумные кошмары. На город опустилась зловещая, гнетущая тишина, нарушаемая лишь редким, пронзительным завыванием ветра меж угрюмых, гротескных зданий. Луна изредка выныривала из тёмной, клубящейся словно дым, завесы демонических туч, и свет её был печален и мрачен. Она в последний раз взглянула в закрытое, мутное от дождя окно перед тем как надолго исчезнуть в гнетущей, голодной пучине рассерженного неба. Дождь прекратился, резко похолодало. Дин с дрожью вспомнил вечер накануне, разговор с Израилом и долгий путь домой по тёмным сплетениям улиц старого поседевшего города теней и туманов.

Сердце его всё ещё немного болело после разрыва отношений с Сарой, но оно не было разбито на сотни кровоточащих кусочков. Он даже не чувствовал того опустошения, о котором так часто пишут в дешёвых любовных романах, бесхозно лежащих на грязных прилавках газетных киосков. В его чёрной, истлевшей душе не было места для такого чувства, как любовь. Его вера пошатнулась и рухнула, разбившись о суровую, каменистую твердь реальности ещё в 14 лет. Жизнь сломала его, словно никчемную, забытую куклу и оставила скитаться по бесконечным и бесстрастным улицам холодного серого города призраков. В тот день он познал смерть и истинную, неизлечимую боль, навечно осушившую и опалившую его существо. Он с безразличием смотрел на глупые, безликие массы прохожих, скрывающих свои лица под лицемерными масками. Он сам был подобен им. Его не волновали жизни и чувства многих девушек, которыми он обладал. Его раздражала их красивая и живая оболочка, под которой прятались пустота и слепая покорность. Их было легко укротить, поставить на окровавленные колени, сдавив шею колючим, холодным ошейником. Воспоминания вновь нахлынули на него чередой монохромных кадров. К нему вернулось то чудовищное 22 сентября 1992 года. Он снова видел её бездонные серые глаза, застывшие навечно и устремлённые в холодную, серую высь, остававшуюся безучастной к происходящему. Если Бог взирал на это кукольное, искалеченное тельце, то он был слеп и воистину суров, его подлинный лик скрыли облака и туманы. Нет, в тот день здесь не было Бога. В её пшеничных, вьющихся волосах запутались пожухлые сухие листья, рассыпающие от лёгкого прикосновения, а на белой, фарфоровой щеке ярко выделялась серая полоска грязи. Осень укрыла её в тени сказочного леса, полного печалью увядания и холодной пустотой. Когда-нибудь, ложась спать и закрывая глаза Вы чувствовали странные, особенные запахи, которые не могли бы здесь существовать, в этом месте и в этот промежуток времени? Если нет, то вам не понять всего того ужаса, который проникает в твою душу, когда ты вдыхаешь этот призрачный аромат. Дин чувствовал один такой запах каждую ночь. Это был запах сырой, могильной земли, такой явственный и осязаемый, пробуждающий в его сознании самые жуткие картины пережитого, что сбежать от него казалось невозможным. Он снова вспомнил её похороны. Она лежала в гробу, слишком серьёзная и кукольная, чтобы быть реальной, усыпанная белыми, хрупкими розами и лилиями. Колокола звенели, словно лишённый души металл скорбел по маленькой, причудливой девочке с большими, серыми глазами, полными света и доброты. Чёрные вороны, сбившись в огромную стаю, кружили над траурной процессией, наводя тоску своими жуткими, хриплыми криками. Бесконечное, небесное пространство затянуло пеленой серых, громоздких туч, готовых пролить тяжёлые слёзы ангелов на грешную землю. Их мать рыдала, упав на колени. Её русые волосы безжалостно трепал суровый северный ветер, а на подоле старого, чёрного, траурного платья застыли причудливой формы капли дорожной грязи. Она молила Бога, который давно покинул это проклятое место. Дин стоял тогда в стороне, едва сдерживая горькие слёзы. Он смотрел, как последние перелётные птицы улетают на юг. Раньше они с сестрой часто забирались на прохуdivшуюся от непогоды

крышу старого амбара и мечтали, глядя на них, как когда-нибудь вместе они улетят на тёплый, приветливый юг, прочь от мрака и холода жуткого Грейвс-Сити. Они всегда жили отрешённо, у самой кромки леса на севере, с восточной стороны дороги. Мать работала на фабрике, которую закрыли 5 лет назад, отец умер через год после рождения Энни, замёрз выюжной, зимней ночью в лесу. Они жили в нищете, но в счастье и любви. Главное, что они были друг у друга, и для них словно бы не существовало насмешек сверстников, осуждения сварливых старух и отчуждения со стороны жителей этого странного города. Но теперь их жизнь была поломана так, что никогда не получилось бы собрать нечто, хоть чем-то отдалённо напоминающее этот причудливый механизм ИХ семьи. Смерть пришла, не стучась и не предупреждая. Это горе казалось сплотило вокруг них и сварливых старух, смотрящих на них с наигранным сочувствием, и новых друзей, пытающихся их бесстрастно и холодно утешить, и чёрствых, высокомерных людей, брезгливо относящихся к ним, но обещающих помочь. Но это было лишь злой иллюзией, похожей на наркотический бред, за которым обязательно существует та безутешная, давящая реальность, от которой нет смысла бежать по путанным дорогам сна. Все эти обещания были пусты и не искренни, скоро они забылись навсегда. Людей охватила будничная, бурлящая суета. Похороны – это глупый спектакль, на котором все только играют свои роли, навешивая этикетом и привычным восприятием, надевая фальшивые, мерзкие маски скорби и боли. Их сердца холодны и пусты, как серое, свинцовое небо. В них нет Бога, которому они так пылко и жарко молятся, прося о пощаде и щедрости. Бог суров, он глух к их мольбам, дрожащим на осквернённых ложью, гнилых устах. Наверное, самый главный порок современного общества – это холодное и пугающее безразличие. Мы не смотрим на проблемы других вечно играя однообразную лицемерную роль сострадания. Чужие проблемы для нас – это чёрно-белая кинолента с неинтересным, но трагичным фильмом.

Осень всегда была для них с сестрой волшебным временем, когда рыжие, пожелтые листья опали с деревьев и начиналось медовое время сказок. Теперь её гроб засыпали чёрной, тяжёлой землёй, комья которой, падая на деревянную крышку гроба, издавали звуки, схожие со звуками биения чудовищного сердца пустоты. О, как печальны и старинны напевы этого призрачного пульса тишины и забвения! В тот день в душе Дина умерла вера. Вера в мир, людей, человеческие чувства и Бога.

Уже давно он не вспоминал эти ужасные страницы своей жизни. Они словно бы стёрлись из его сознания. Он чувствовал, что не может вспомнить нечто важное, являющееся ключом к разгадке какой-то страшной тайны. Этот момент его жизни всё время ускользал от цепких пальцев воспалённого бессонницей, жадного сознания. Он вспомнил, что сестра часто в шутку называла его Динго, когда они играли в прятки или искали приключения и странности в тенистом лесу. Самые близкие друзья матери считали их детьми осени из-за глубоких, печальных глаз, цветом напоминающих октябрьское небо, затянутое тучами, и пшеничных, непослушных волос. Зачем память сыграла с ним такую злую шутку? Ему приснился кошмар, который казался до боли реалистичным и от которого он в ужасе проснулся. Больше уснуть Дин не мог. Непрошенные воспоминания вернулись к нему, моменты давно забытого, болезненного прошлого, заставляя погрузиться его с головой в омут скорби и страдания.

Ему снилось скованное причудливой, неживой дремотой и мглой кладбище Сансет Хоррор. Он блуждал среди поросших сорняками и лишайником могил из которых валил причудливыми клубами густой, непроницаемый туман, символ смерти и тайны, и где-то глубоко в его загадочной пелене были пробудившиеся мёртвые, щёлкая истлевшими и обросшими мхом костями. За каждой могильной плитой замерли духи в чёрных, струящихся мантиях с капюшоном. В их руках дрожали, извиваясь язычки пламени чёрных, коротких свеч. Глаза их сияли синим, неживым огнём, обжигающим душу запредельным великим холодом. Он шёл всё дальше, мимо их жутких, полных густой злобы, взглядов. Черепа скалились и сквозь молочную мглу их пустые глазницы ловко выхватывали из тьмы каждое движение Дина, будто пронзая

смертью жизнь. Где-то в тумане плясали танец смерти древние, безымянные демоны, но Дин шёл вперёд, без цели и смысла, не чувствуя страха. Наконец он остановился прямо перед величественной, огромной статуей Азраила. У ног его росли чёрные и синие, нежные розы. Неожиданно на ней начали появляться трещины, из которых сочилось густое, синеватое свечение. Один оглушающий раскат грома в бесконечном море ночных грозových туч и осколки камня разлетелись в разные стороны. По мощным, рубленным ступеням из голубоватого камня со своего престола, наклонив голову и увенчав её терновым венком с острыми шипами, сходил Азраил. Тёмно-синие глаза на его огромных, чёрных крыльях с жгучим любопытством рассматривали Дина. Белая кожа ангела смерти сияла словно лунный луч, а длинные волосы цвета вороного крыла переливчатыми волнами струились по каменистой земле. В руках он держал острый меч из серебра, с рукояткой, инкрустированной сапфирами и дымчатыми топазами. Голоса приглушённо шептались вокруг них, ангел вздрогнул.

– Я знаю, – произнёс он. Голос его был звучен, но в то же время жесток, как раскат грома. Он поднял голову и холодно посмотрел на Дина своими бездонными тёмно-синими глазами. – Он проснулся, он жаждет, – прошептал Азраил. – Найди того, чей лик сокрыт, но кто стоит рядом с нами. Он откроет тебе путь и истину. Вспомни то, что забыто. Вернись к истине.

Глаза с крыльев ангела смерти надменно изучали Дина, словно пытаясь проникнуть глубоко в его сущность. Седой туман начал сгущаться. Азраил повернулся и медленно начал всходить на свой каменный престол. Дин чувствовал, как сотни холодных, мёртвых рук прикасаются к его тёплому телу. Ветер поднял в воздух песок, смешанный с серым безжизненным пеплом. Сущности в чёрных мантиях скинули свои капюшоны, открывая свои полупрозрачные лица. В одном из призраков он узнал свою мать, смотрящую в пустоту отчуждённым, невидящим взором. Бесы и демоны повизгивали и завывали в непроницаемом тумане. Тьма окружила Дина, неся утешение, поглотила его в своё бездонное чрево. И в чёрной, безграничной пустоте он увидел свою сестру. Мгновение спустя он проснулся. Сон выпорхнул из его болезненного сознания переливчатым вороном, несущим на своих лиловатых крыльях кошмар. Он скрылся во тьме ночи, растворившись в ней как сверкающая роса по утру.

Дин остался наедине со своими ужасными, скорбными мыслями. Он сидел так уже несколько часов, бессмысленно и бесцельно глядя в окно. Он перевёл свой взгляд на часы. Было уже 5:57, а значит где-то за слоем тяжёлых, клубящихся туч уже медленно вставало бледное осеннее солнце, пронзая серую мглу и тьму золотистыми лучами-копьями. Это было раннее утро, когда молочный восток освещает своей нежностью небо, когда могучий Аббадон засыпает, убаюканный ласковым пением хрупких белых лилий и тихих ветров, когда город пробуждается от жутких кошмаров, избавляясь от тумана и чудовищной тени Азраила. Это те мгновения, когда пробуждаются архангелы и прячется в тени старых тополей и дубов мрачный Самаэль.

Дин сидел на кровати и бесстрастно смотрел в светлеющее небо. Сил у него совсем не осталось. Неожиданно зазвонил телефон.

– Чёрт! – громко выругался он. После вчерашнего вечера голова его сильно болела и гудела. Он медленно встал и слегка пошатываясь пошёл к прикроватной тумбочке, на которой лежал громко игравший мобильный телефон. Он снял трубку. – Да?

– Дин, – прозвучал взволнованный голос его напарника в трубке. – У нас здесь труп. Тебя требуют на место преступления.

– Чёрт, Джим, ты можешь испортить настроение с утра! – выругался в слух Дин. Он думал, что это снова либо самоубийство, либо драка пьяных бездомных из-за карт. К таким происшествиям он относился с пренебрежением и отвращением. – Где произошло убийство? Куда мне нужно ехать?

– На кладбище Сансет Хоррор. О, Бог мой! Дин, такого я ещё не видел! Ты будешь поражён, я уверен.

– Еду, – хмуро пророкотал Дин в ответ и положил трубку. Он вновь взглянул в мутное, иссиня-чёрное небо, несущее в своём тяжёлом брюхе влагу, но на этот раз он вздрогнул от неожиданно охватившего его чувства страха, ведь что-то негромко нашёптывало ему, что это только начало смертей, страха, и ночи в Грейвс-Сити. Он чувствует, что время ускользает сквозь цепкие пальцы его жизни, как горячий песок раскалённой пустыни ада. И от этого он чувствовал боль...

В жизни мы часто не можем познать нашу собственную сущность. Существуют вопросы, на которые нет ответов. Что такое боль, и какое её обличие страшнее: боль душевная или телесная? Какая из них мучает, истребляя силы? Это тёмная, непостижимая, сокрытая от света мыслей и понимания в глубинах отчаянья, тайна жизни. Каждый человек ответит на этот вопрос по-своему. В один момент нам кажется так, а в следующую секунду наше понимание изменяется и мир выглядит по-другому. Наши представления слишком туманны и расплывчаты, они переменчивы как ветер, гонимый с уступов гор. Нам не понять, что, правда, а что ложь, ведь в этом сложно устроенном мире нет отдельных дорог у добра и зла. Как не разбить защищающую иллюзию понимания и сохранить в вечном покое недремлющую боль? Боль, засевшую глубоко, в красноватом мареве души. Она как орёл, выклёвывающий печень у великого древнего титана Прометея, убивает в сердце две основы, на которых держится мир: веру и любовь, оставляя на утешение лишь горестную и хрупкую надежду. Мир человеческой души, понимания и виденья тёмных, находящийся под темнотой и охраной мрачной пыльной и древней завесой театра жизни, в котором роли, артисты, герои соединились в звенья одной тяжёлой и гигантской цепи. Рай или ад? Жизнь или смерть? Мельпомена или Талия? Всё слилось в единство на этой унылой сцене. Вот что такое театр жизни. Нет смеха в его глубинках, потеряны зрители, пустуют залы в них лишь мрак. А актёры играют свои загадочные роли, как тени отбрасываемые пламенем, но только холодного очага. Здесь под серым, с обвалившейся штукатуркой сводом, пристроились, как статуи пороки. Их лица будто камни, высеченные в скале. Здесь они опоры. Вот в углу пристроились тени времени, боли, тишины... Актёры играют свои роли, не зная, что спектакль окончен, театр пуст и его серые, древние, крошащиеся стены вот-вот рухнут, как чудовище, давя их своим брюхом. Зал пуст... нет никого, кроме загадочных артистов. Никто не будет аплодировать, кидать цветы на сцену, ведь окружают людей здесь только чувства. Но не опустится пыльный занавес, не бросят пороки со своих могучих плеч каменный свод и не перестанут играть актёры. Это вечная игрушка времени. Нет здесь добра и зла, и чувства могут менять маски, так что любовь становится тёмной жадью, наполняющей наши сердца, а ненависть превращается в сладкий бальзам. Над этим смеётся только время, засевшее как паук и бродящее незримым призраком в одиночестве. Оно единство и непостижимость, чудовище, живущее в старом замке и хранящее свои секреты под гниющими, разорванными занавесами, в тени изящных мраморных статуй и сырости темниц. Время – это пустота...

Было 6:13 когда Дин наскоро собравшись вышел на улицу. По сравнению со вчерашним вечером резко похолодало, на лужах появилась тоненькая ледяная корочка, а ветви и стволы голых, ноябрьских деревьев покрылись серебристой пылью инея. Промозглый северный ветер раздувал полы расстёгнутого пальто Дина. Он поёжился, когда дверь его подъезда громко захлопнулась. Он жил в квартире по Хайзер-Хилл стрит, почти у самой станции. Морозными ночами, когда в квартире было жутко зябко и одиноко и невозможно было согреться, даже забравшись под два одеяла, он слышал шум пригородных поездов, несущихся вдаль.

Солнце медленно поднималось из-за пламенного горизонта и его рыжий, сюрреалистический свет разбавлял меланхолию серых, прижавшихся друг к другу обветшалых зданий. Голуби и вороны шумно перекрикивались, взлетая в прохладный, осенний воздух, наполненный пробуждающимися медовыми лучами. Ветер гонял по сумрачной улице скомканные, грязные бумажки и сморщенные, шуршащие осенние листья. На выцветшей скамейке, под навесом над перроном, двое бездомных просыпались после неприветливого и холодного ночлега.

На дом Дина надвинулась тень вокзала, чья ветхость и некая готичность, которую ему придавали огромные витражные окна, резко контрастировала с холодным механическим и иногда мигающим от напряжения светом длинных ламп, ещё освещающим его пустынные залы. На скамейке перед парадной дверью подъезда одиноко сидел Израил, глядя в пламенно алое, рассветное небо, словно причудливый, печальный персонаж старого, немого фильма. В руках он заботливо держал хрупкую розу Афродите, такую же, как и та, что расцветает по весне у подножия статуи сурового ангела смерти Азраила. Дин остановился, его словно сковал своей ледяной цепью страх.

– Она будет там... она всегда там появляется... Такая нежная, – произнеся это, Израил ласково погладил лепестки прекрасного цветка своей белёсой рукой. – но воистину тёмная. Скорбная рабыня смерти. Тот, чей лик сокрыт, но кто стоит рядом с ними... Да, он знает.

От последних слов Израила по телу Дина пробежал мерзкий холодок. Ему стало нехорошо: голова закружилась, от волнения стало слегка подташнивать, ноги стали ватными.

– Эй, парень, – пересилив себя окликнул он Израила. – Что ты здесь делаешь в такую рань?

– Просто утренняя прогулка, – ответил, загадочно улыбнувшись, Израил. – Вам как спалось? – с явно наигранным сочувствием спросил он у шокированного шерифа.

– Нормально, – буркнул Дин и медленно пошёл к машине шаря в правом кармане в поисках ключа.

– А выглядите Вы разбито. Мучают кошмары, да? Ещё и это утреннее происшествие. Вы уже знаете, что случилось?

– Нет. Ещё не знаю.

– О, виноваты розы, виновата ночь! – сказав это Израил встал. В глазах его появился таинственный, жуткий огонь. Он казался безумцем или одержимым персонажем страшной пьесы, основным героем которой была смерть. – Вы чувствуете, Вы знаете, что случилось нечто страшное...

– Что же это? – прищурившись и пристально наблюдая за странным парнем сквозь зубы процедил Дин. – Откуда ты знаешь?

– О, я не знаю, что именно произошло. Я могу только чувствовать это.

В крови Дина вскипела жгучая ярость. Он вплотную подошёл к Израилу и едва сдерживая злобу негромко произнёс:

– Будь осторожен с этой игрой слов, а то мало ли, я могу тебя неправильно понять.

Израил лишь сдержанно улыбнулся и бесстрастно сказал:

– И Вам приятного дня. Вы тоже будьте осторожнее.

Дин развернулся и торопливо направился к машине. Этот странный, неприятный разговор ещё сильнее омрачил его, наполняя и без того болезненный рассудок новыми бредовыми мыслями. Зябко ёжась от промозглого ветра, он сел в машину и, заведя её только со второго раза, поехал по сонной, всё ещё полной теней Хайзер-Хилл стрит. Дин чувствовал жуткую слабость, готов был рухнуть в мёртвый омут забвения, лишь бы не помнить... лишь бы забыть всё вновь... Появилась навязчивая идея, страшная, но так сладко манящая. Пистолет... он лежит рядом с ним. Ему будет нужно только нажать на курок. Сколько же есть способов покончить с этим? Призвать бесшумного ангела смерти? Он безумно и громко засмеялся, на лбу его выступили блестящие капельки пота. Он взъерошил левой рукой свои светлые, непослушные волосы. Дрожащими руками он судорожно начал переключать радиостанции, пока не наткнулся на Боба Дилана, исполнявшего песню «Достучаться до небес». Дин облегчённо вздохнул и, опустив стекло, нервно закурил. Ему словно бы хотелось как можно больше впитать в себя никотина и горького табачного дыма.

Дин ехал по дремлющим в утреннем сумраке улицам родного города, знавшего мрачные, тёмные тайны Бога и Дьявола, видевшего слёзы и мучения своих и жителей и обо всём мол-

чавшего. Будто некогда прекрасный ангел, низвергнутый в ад в давно минувшие дни, раскинул он свои чёрные, огромные крылья. Грейвс-Сити не спал.

Дин уже повернул на Соннет Хилл-стрит. За окном машины мелькали дома с аккуратными, ухоженными лужайками, голые, овдовевшие сады, маленькие, сделанные на старинный манер магазинчики и кафетерии. Дину казалось, будто эти здания смотрели на него своими тёмными окнами-глазницами, провожая его взглядом полным злобы и презрения. Он не мог сосредоточиться, мысли в его голове путались, словно нитки, несобранные в клубок.

Наконец жилой массив кончился и началась дорога, поднимающаяся на пологий большой холм. Теперь его встретила неприветливая, холодная пустошь. Глаза Дина стали немного красными, взмокшие волосы были взъерошены и торчали в разные стороны. Он задыхался, словно в бреду Дин ослабил галстук, но это ничуть ему не помогло.

Он задумался над истинным одиночеством и безумием. У него никогда не было настоящих друзей. В каждом человеке, с которым общался, он видел только выгоду для себя, поэтому всегда был по-настоящему одинок.

Почему мы боимся одиночества? Нередко именно оно и спасает нас от закулисных интриг, лжи, лицемерия, предательства и боли. Одиночество заставляет нас проникнуть в глубину своей бескрайней, как холодные небеса, сущности. Одиночество ведёт нас к бесконечности безумных мыслей и познанию собственного мира. Оно даёт нам свободу в выборе жизненного пути, в выборе истины, являющейся лишь отражением пустоты. Мы сами создаём свою правду, свой смысл жизни. И когда придёт за тобой Ангел Смерти ты должен знать, что у него нет ответа на вопрос о смысле твоего бренного существования на земле. Он не знает... Лишь одиночество может помочь тебе выбрать правильное направление твоего жизненного пути, которое быть может было некогда избранно небесами. Оно заставляет вслушиваться в тишину внутри себя, заставляет всматриваться в бесконечную пустоту, чтобы увидеть свой истинный облик. Её не стоит бояться... она лишь проводник к бескрайним просторам Вселенной, скрывающейся за бурным потоком облаков. Некогда яркие краски на холсте мира ныне выцвели и стали серыми и холодными словно сталь, но вечность осталась, как и прежде, будоражащей человеческое воображение, закованное в рамки начала и конца. Как часто мы обманываем себя, боимся заглянуть в лицо реальности. В каждом обычном мгновение мы видим нечто мечтательное и нереальное, считая это маленьким чудом. Мы верим снам, не зная на что способен наш рассудок, чтобы спасти себя от грубой правды, от жизни, ведущей к глубинам безумия. Мы вечно спешим куда-то по замкнутому кругу в лабиринте запутанных улиц города. Мы словно люди в вечернем поезде, едущие мимо незнакомых и неприветливых городов к станции не имеющей названия, по пути не имеющим конца и уходящим в сумрачную бесконечность.

Наконец Дину полегчало. Странная болезнь отступила так же внезапно, как и пришла. Он был очень бледен, глубокие, нездоровые тени залегли под глазами. На ум из тёмных закоулков подсознания приходили странные слова: *tenebris, morten, possus, inferrus, vanitate...* (мрак, смерть, страдание, пустота...) В душе его боролись странные, неизвестные доселе чувства, которым нет названия на языке живых, но возможно на мёртвом наречии найдётся имена этим гнетущим силам.

Дин нажал на педаль тормоза. Всё. Приехал. Угрюмо и мрачно возвышались ворота и ограда из затемнённой бронзы, будто кости неизвестных существ торчали они из бесплодной кладбищенской земли, последнего пристанища усопших. Сухие ветви увядших роз почти полностью обвивали грозную статую Азраила, у подножия которой среди угрожающих крестов и надгробий склонились чёрные силуэты. Это был судмедэксперт, осматривающий тело вместе с помощником Дина Джимом. Он был среднего роста, худощав. Черты его грубого, мужественного лица, обрамлённого непослушными чёрными волосами, не соответствовали его тонкой, поэтической натуре. Джиму было всего лишь 26 лет, он всё ещё был мечтателем, вечно ищущим справедливость в мире, где всё относительно, где истина мертва и торжествует ложь и

лицемерие. Он верил в искренние, глубокие человеческие чувства, в любовь и сострадание, не разделял грёзы и реальность и вечно искал Бога в людях, погрязших в грехах. Нередко это вызывало насмешку со стороны Дина.

За массивными воротами Сансет Хоррор начиналась обитель мёртвых и тлена, где властвуют увядание и призрак неизбежной гибели. Завидев Дина, Джим устало и сочувственно вздохнул, будто это у него с утра болела голова после хорошего похмелья, и, подойдя ближе, приветственно протянул правую руку. Дин её пожал и с гнетущей болью взглянул в тёмно-синие, бездонные глаза Джима, и там он увидел лишь тьму и притаившуюся тревогу, перерастающую в страх.

– Дин, он около статуи, – Джим невольно вздрогнул. – Ты знаешь, мы повидали с тобой немало за всю совместную службу. В маленьких городках частенько появляются звери, оставляющие за собой истерзанные трупы. Иногда, кажется, что такое не может сделать человек, но таков закон маленьких городков. Хоть изредка, да появится сумасшедший считающий себя Джеком-потрошителем. Но то, что произошло с Луисом Сиетлом... такого я ещё не видел...

– Джим я готов ко всему, – спокойно произнёс Дин. Никто не знал, сколько стоило ему это спокойствие и наигранная, чуждая в таком деле отстранённость. Он крепко сжал руки в кулаки, как бы передавая им импульсивно сильное напряжение, царившее в его разуме и чувствах. – Веди.

Джим судорожно вздохнул и повёл Дина среди старых могил, облагороженных на европейский манер, по едва заметной тропке, вымощенной уже потрескавшимися плитками, с проросшими между ними пучками пожухлой травы.

– Сиетлам уже позвонили? – неестественно отрешённо спросил Дин. – Нужно сказать им чтобы больше не ждали возвращения сына.

– Да, мы позвонили, – вздохнул Джим. – Это был их единственный сын.

– Сколько бы людей ни было, потеря ребёнка самое страшное для родителей, – Дин знал это точно. Он помнил её боль, её безумие. Как быстро она сдалась, как быстро её жизнь превратилась в ущербное подобие существования.

Они шли, огибая поросшие мхом и лишаяем могилы, к одиноко возвышающейся над скорбным полем статуе Азраила. Наконец они подошли к изуродованному телу подростка. Луис лежал в давно осыпавшейся и начавшей подгнивать осенней листве, загадочно лепечущей на непонятном, наводящем тоску языке. Чёрные волосы его были мокрые, испачканы серой грязью, зелёные, застывшие глаза пронзали своим невидящим взором бескрайнюю, незримую пустоту. Губы мальчика посинели, у уголка рта засохла тёмно-алая струйка крови. В белёсой, тонкой, правой руке его лежала нежная, белая роза Афродита. Чёрно-серая клетчатая рубашка Луиса была растёгнута, а на бледной, худой груди была вырезана печать Соломона. С левой стороны от него лежала старинная книга, раскрытая на странице с изображением Бээр Шахат и сидящем на каменном престоле мрачным Ниарцинеlem. На другой странице был текст на иврите, а на полях виднелись заметки, записанные красивым, старинным подчерком: Шахат, Машехит, Ддавэр.

– Заберите книгу и после снятия отпечатков, отдайте её переводчику для исследования, – скомандовал Дин. Судмедэксперт молча кивнул и забрав книгу быстро удалился, оставив Дина и Джима в скорбном молчании. Тишина становилась гнетущей, давящий на разум, напряжение росло.

Жёлтая заградительная лента причудливой, неестественной змеей извивалась между могил. Дин вспомнил уже почти стёршийся из памяти разговор с Израилом. Таинственные слова этого безумца стали теперь ясны. Сомнений не осталось: он знал что-то о происшедшем, он был в этом замешан. Разум Дина мутными, алыми водами наполнила ненависть, но в душе его притаился холодный, животный страх.

– Эти слова, на полях. Я уже видел когда-то их. Очень давно... Даже подчерк похож на этот, – растерянно произнёс Джим.

– Где ты видел эти слова? Когда?

– Это был дневник. Старый дневник с пожелтевшими страницами, странными, жуткими рисунками, стихами и историями о какой-то пустыне. Этот дневник принадлежал моей матери и у него не было автора. Она любила читать его сидя у окна, выходящего на туманную аллею, ведущую к пруду. Это было её любимое место в доме – тёмный, мрачный кабинет за лестницей. Я помню тот вечер... это был октябрь, конец октября, время, когда природа умирает окончательно... Вороны шумной стаей кружили над нашим мглистым, голым садом. По бокам от широкой тропы росли исполинские деревья с ровными величественными стволами. Всё вокруг было серое, небо приобрело оттенок бетона. Она сидела у окна сжимая этот дневник в дрожащих руках. Болезнь поразила её. О, как часто она говорила о смерти, она чувствовала её. На утро она умерла, а все окна и дверь, выходящие на аллею, были распахнуты. Давно я об этом не вспоминал. Очень давно, – Джим содрогнулся и зябко поёжился. Холодный ноябрьский ветер нагонял серые низкие тучи и создавал небольшие вихри из песка и старых, прелых листьев между могил. Они молча стояли, погружённые в тяжёлые раздумья.

Дин вновь вспомнил свою сестру, смешную россыпь веснушек на маленьком носу и светлые, непослушные волосы. О, эти ужасные, хрупкие листья, запутавшиеся в соломенных прядях. Он помнил, что осень – это пора увядания, когда перелётные птицы улетают в более приветливые и тёплые края. Ветер громко завыл, будто мертвец, пробудивший от предвечного, смертного сна под слоем пустынной и чёрной земли, в гробу изъеденном червями. Холодными, мощными порывами налетал он на мрачные могильные камни, дабы сокрушить их гордый, устрашающий силуэт. Голые ветви деревьев, угрюмых, молчаливых стражей покоя усопших, шатались, негромко перешёптываясь между собой.

За оградой послышался рёв машинного мотора и скрип резиновых колёс по гравийному покрытию дороги. Дин повернул голову в сторону подъехавшего автомобиля. Это был катафалк старины Боба, который как угрюмый Хирон, древний страж пламенных вод в царстве Аида, переправлял умерших в последнее путешествие. Боб медленно, слегка прихрамывая на левую ногу шёл к ним по едва заметным каменным плитам. Лицо его не выражало никаких чувств и было будто высечено из серого, грубого камня. Он был слегка полноват, но не казался рыхлым. Ему было 53 года, некогда каштановые волосы побелели и поредели, обнажая макушку. Подслеповатые, карие глаза всегда казались слегка красноватыми и немного слезились. Вокруг глаз появилась сетка глубоких, тоненьких морщин. Он выглядел старше своих лет и часто шутил по этому поводу. Говорил, что он так часто видел смерть, что она стала считать себя его подругой и ей не терпится поскорее прибрать его к себе. Из-за долгого и заядлого курения он сильно и часто кашлял. Никому не было известно, что длинными, тёмными ночами, лежа в одиночестве на диване с бутылкой дешёвого пива в руке, он задыхался. Бывало, что после этого он долго не мог заснуть и когда приступы удушья отпускали его скованные болезнью лёгкие, он с трудом откашливался с кровью. Он знал, что дни его сочтены и не жалел ни о чём. Месяц назад он схоронил своего старого, верного друга, беспородного пса по кличке Тодд. Последнее время пёс еле передвигался и часто лежал у ног хозяина, доверчиво заглядывая ему в глаза. Казалось, он чувствовал страшный недуг, поразивший лёгкие Боба. Он умер тихо, просто уснул и не проснулся. Никто тогда не увидел горьких, скупых слёз его сурового хозяина. Да, Боб чувствовал близость смерти, но никогда никому ничего об этом не говорил. Он устал цепляться за жалкое, одинокое существование. И сейчас, идя к Дину и Джиму среди старых могил, он думал о неизбежном конце. Ему хотелось умереть тихо, просто уснуть и никогда больше не проснуться.

Боб крепко пожал руку сначала Дину потом Джиму и мрачно взглянул на распростёртое перед статуей тело подростка. Дин уловил промелькнувшее в глазах старого Хирона странное и непонятное чувство страха, смешанное с нарастающей тревогой.

– Я видел, как Кэтрин забрали в больницу, – после недолгого молчания прохрипел Боб. – У неё, как сказала соседка, случился сердечный приступ, когда она узнала о смерти сына. Джек поехал с ней. Я даже представить не могу, как им сейчас тяжело. И не хочу.

– Кто мог с ним такое сделать? – негромко спросил Джим. Он был подавлен. Под порывами холодного ветра Дин поёжился и немного поднял воротник своего зимнего пальто.

– Этот город... это место... Оно давит. Его убили на глазах ангела смерти, холодно смотрящего со своего престола. Идите. Здесь вам больше делать нечего. Я пришлю результаты вскрытия.

Дин мрачно взглянул на Боба и молча кивнув направился к машине. Воспоминания накатили на него яростной и могучей волной, сокрушающей даже самые великие скалы. Он шёл, петляя между могил, дат и имён, между чужих судеб и маленьких, незначительных историй, мимо жёсткой, пожухлой травы. Как мала и скоротечна человеческая жизнь, вечно тонущая в потоке безграничной и бесполезной суеты. Эти люди, похороненные здесь, забыты. Они не стали частью великой, всеобщей истории, не оставили следов на жгучих песках могущественного времени. Они просто существовали когда то, а потом исчезли навсегда, погрузились в холодную, отрешённую пустоту Вселенной.

Кладбище хранило в утренней тишине свои жуткие, тёмные тайны. И ангелы, ангелы мёртвых и забытых, они молчат. От их неслышной поступи всё в природе увядает, их дыхание порождает холодные, сильные ветра, их жестокий, твёрдый взгляд пронзает плоть, проникая в душу и останавливая сердце. Да, они молчат, в туманной, скрывающей от мира их тени тиши, восседают на истрескавшихся престолах.

Нагие ветви деревьев щёлкали, словно кости проклятых мертвецов, вселяя в живую душу лишь страх, тоску и скорбь. В тумане прячутся воспоминания, рождая жуткие, искажённые образы из бездны. Они всегда стремятся вернуться, ворваться в опустошённое, израненное сердце и причинить нестерпимую боль. Дин чувствовал это своим нутром. Ему не хватало воздуха.

От почти заросшего, мутного, старого пруда тянуло тиной. Ветер разносил запах прелой, гниющей листвы и сырости. Голова у шерифа начала слегка кружиться, его подташнивало. Кажется, его желудок сжался в пульсирующий комок. Дин чувствовал, что здесь правит незримый кукловод и скоро, возможно через час после заката, когда тьма поглотит этот город, беспокойные мёртвые запоют свою песню, дань тлену и смерти, под неживой призмой призрачного лунного свечения.

Наконец Дин и Джим вышли за пределы старого городского кладбища.

– Как ты думаешь, почему его так называли? – шумно вздохнув спросил молодой напарник.

– Кого?

– Кладбище, Дин. Почему его называли Сансет Хоррор?

– У нас угрюмый городок, Джимми, – пожал плечами молодой шериф. – У нас и другое кладбище названо не менее жутко.

– Холод Могил, – тихо произнёс Джим, доставая пачку сигарет «Кэмел».

– Ты же бросил, – удивился Дин.

– С нашей работой нельзя не курить, – выдохнул Джим, выпуская сизый сигаретный дым в холодный и прозрачный ноябрьский воздух. – Что-то снега нет, хотя уже конец ноября.

– Да, – задумчиво сказал Дин. – В течении недели уже должен выпасть.

– Да, – неохотно кивнул Джимми. – Но раньше такого не было.

– Уже никогда не будет так, как было раньше. Мир меняется стремительно, я не успеваю за ним. Я чувствую это.

– Этот ужасный и непонятный город, – сквозь стиснутые зубы процедил Джим. – Кто же так города называет?

– Город могил. Ну что ж, ты прав. Жуткое название для города. И эти ангелы смерти... наш город словно бы отдаёт им вечную дань. Конец неизбежен. Он всегда близок и нужно помнить об этом...

– Давай не будем разговаривать не эту тему, а поедем выпить кофе в кафетерий «Эльза». Ты же знаешь, Рита его прекрасно готовит, – докурив сигарету предложил Джим.

– Послушай... Никому не говори о случившемся. Не надо наполнять паникой суеверных горожан. Их пугает уже одно название этого места, – медленно и рассудительно сказал Дин своему помощнику, пропустив его предложение мимо ушей и пронзая его грозным неумолимым взглядом. Джим неохотно кивнул. – Вот и хорошо, что мы пришли к единому правильному мнению, а теперь поехали лучше к Нику в бар. Выпьем немного пива и заодно обсудим план дальнейших действий.

– Я больше не пью на службе Дин, – покачал головой Джимми.

– С каких это пор, старина?

– С сегодняшнего утра, но если хочешь, поехали в кафе и выпьем крепкого кофе что бы прочистить мысли.

– Ты хороший парень, Джимми. Ну что ж, поехали в кафе «Эльза» и выпьем по чашечке крепкого тёмного бодрящего кофе. Рита его и правда прекрасно готовит, – с улыбкой произнёс Дин. – Мы же с тобой друзья. Только главное запомни наш уговор, Джим. Пока что о произошедшем ни слова, – небрежно бросил Дин в последний раз, сурово взглянув на молодого напарника, после чего они торопливо пошли к машине.

Джим улыбнулся слегка отстранённо и ошеломлённо, впервые за это утро, нагрывшее в Грейвс-Сити медленно и с опаской. Казалось, город ещё спал в тени исполинской ночи, уходящей на запад в поисках новых пристанищ.

4

Воздух, который мы вдыхаем, который проникает в нас и наше тело, никогда не бывает обычным и однородным. Он бывает ядовитым и горьким, с привкусом тлена и дыма, сладким и чистым, наполняющим наши лёгкие гармонией природы. Он бывает сырым и тяжёлым, заставляющим нас задыхаться. Но в нашем мире он не бывает мёртвым, по эту сторону бездны он всегда живой. Мёртвый воздух не травит, не причиняет боль, он не успокаивает больную грудь, не умиротворяет спящих. Он мёртв, отстранён от мира чувств и запахов. Он не несёт в себе череду призрачных воспоминаний, навеянных лёгкими ароматами. Он просто существует вне времени и пространства, вне ощущений и человеческого восприятия.

Дин и Джим сидели в кафетерии «Эльза» в зале на втором этаже, глядя из окна на пробуждающийся от дымки сна маленький городок и размышляя о случившемся. Когда люди спали в тёплых кроватях и видели сладкие сновидения, напетые ласковой луной, когда по сверкающим от дождя улицам ходили лишь незримые призраки прошлых лет, зло не дремало. Нет. Оно караулило новую жертву, наполняя рассудок охотника безумием.

Дин молча наблюдал за бархатными переливами в чашке крепкого кофе. Вновь и вновь он вспоминал события того далёкого сентября 1992...

Холодные, грязно-жёлтые лучи солнца, едва выглядывающего из-за серых облаков, причудливыми пятнами ползли по мягкой, сырой земле. Северный ветер резкими порывами налетал на жёлто-рыжие рощи, поднимая в медовый воздух пёструю опавшую листву и кружа её в траурном вальсе. Качались невысокие берёзки с кудрявыми, золотистыми кронами и хмуро кивали изумрудные ели. Природа перешёптывалась на непонятном, древнем языке, словно напевая осенний мотив забвенья.

Дин сидел на полуразрушенной крыше старого кирпичного амбара. Некогда красный шифер давно уже выцвел и потрескался, превратившись в причудливую, своеобразную мозаику.

ику. Он смотрел в сторону поющего, ожившего леса, ждущего утешения в смерти и бури. Рядом с ним сидела Энни, прижавшись к нему всем телом и ёжась от холода. Её лёгкое белое платье раздувал ветер, отчего она всё сильнее укутывалась в огромную, тёплую кофту, пахнущую духами матери. Непослушные, светлые волосы лезли Энни в глаза, она сердилась, морща раскрасневшийся от холода нос, и Дин, едва сдерживая смех, убирал пряди ей за уши. Мать снова ушла на работу очень рано и дома они были одни, предоставленные только себе и фантазии, превращавшей их выживание в светлую, счастливую жизнь, полную надежд. Через час Дин должен был уйти в школу. В этот прохладный сентябрьский вторник уроков было немного, но прогулять их он не мог. На сердце тяжёлым камнем лежала тревога. Та безотчётная тревога, которая обычно наполняет материнское сердце, чувствующее все переживания и болезни своего ребёнка даже на расстоянии. Скоро должна была прийти Синтия, добродушная, полноватая студентка, часто сидевшая с Энни, ведь на сад денег в семье не было.

– Динго, давай поиграем в прятки? Или лучше в индейцев! Я буду вождём, а ты моим диким конём, и мы будем сражаться в лесу против других племён, – восторженно, почти крича тараторила Энни. – Давай?!

– Нет, – спокойно ответил Дин. Он пытался побороть растущую тревогу. Ему казалось, что сегодня случится нечто плохо, нечто, что навсегда изменит их серую, отрешённую жизнь. – Мне скоро уходить. Вот приду и поиграем.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Тогда я буду сидеть, ждать тебя и считать время до твоего прихода. Я и Томми.

– Долго же придётся тебе и этому чёрному, ленивому коту меня ждать. Надеюсь Синтия тебя развлечёт и, когда я приду, ты устанешь и будешь спать, – засмеялся Дин.

– И не надейся. Синтия не умеет играть в индейцев, – обиженно произнесла девочка. – И чёрный человек не умеет.

– Чёрный человек?

– Да. Он живёт у нас в лесу. Он одет во всё чёрное, сам очень бледный и волосы у него длинные, белые. Ходит с палочкой, как дедушка, или словно у него болит нога. Но он говорит, что у него ничего не болит.

– Не общайся с ним, хорошо? – взволнованно попросил Дин и обнял продрогшую сестру. Через 6 часов он найдёт её тело в лесу возле ручья.

5

Джима пугал пустой, отрешённый, болезненный взгляд Дина. Ещё при встрече он почувствовал страз и жуткую, душевную боль, закрашившуюся в холодное сердце друга и мучавшую его. Тогда он не придавал этому большого значения, списав это на выпитый вечером алкоголь и разрыв с Сарой. Но теперь он видел нечто более глубокое и застарелое в переживаниях Дина. Страх прокрался и в душу Джима, словно некая заразная болезнь.

– Скажи, когда-нибудь к тебе возвращались воспоминания, разрушающие тебя и твоё сознание изнутри? Твои ошибки или зло? – негромко спросил Дин.

– Я думаю это бывает у каждого.

– И что у тебя?

– Мать. Её смерть... я... я так много ей не сказал. Мы повздорили в тот вечер. Я убежал от неё и заперся в своей комнате. Она была очень слаба. И когда она умерла, я... я радовался. Все мои слёзы в тот день были наигранными. Мне нравилось, что меня все жалеют. Лишь потом я всё осознал. Всю боль я прочувствовал потом. И теперь я часто вспоминаю её, очень часто. Перед смертью она рассказывала о человеке, одетом во всё чёрное, с белыми длинными волосами и изумрудными глазами. Она говорила, что он часто гуляет по аллее, возле с террасы. Он ходит с тростью, хотя молод, а потом исчезает там, в темноте и тумане. Она говорила, что это он подарил ей этот странный дневник. Мы с отцом думали, что это бред, влияние

болезни на рассудок. Когда она рассказывала мне это и отец узнавал об этом, то он бил её. Он хотел воспитать из меня другого человека. Что ж, нужно это признать, у него получилось. Теперь мне стыдно перед ней. Я лишь со временем понял, как сильно её люблю, какую боль я причинял её своими словами и жалобами. Она была так одинока. Ей не к кому было идти, не с кем поговорить. Её единственный сын ненавидел её. Как мне теперь жаль. Она же росла в приёмной семье со сводной сестрой, её родители погибли в аварии, а родственники отказались от неё. Да, брат приёмной матери очень любил её, заботился. Но разве это нужно человеку? Наигранная забота? Она и тогда была одинока. Моя мама... Она забеременела мной в 18 лет и поэтому рано вышла замуж. Лишь через 7 лет после её смерти я узнал, что меня растит отчим. В браке она тоже не была счастлива, пускай и жили мы небедно, и наша семья никогда ни в чём финансово не нуждалась. Её никто по-настоящему не любил, никто. От этого мне больно. А что тебя гложет, Дин?

– Ничего, – буркнул тот в ответ. – Просто спросил.

– Не хочешь – не говори, – пожал плечами Джим. – Я не люблю лезть не в свои дела, ты же знаешь, – он откусил кусок вишнёвого пирога, ещё тёплого и очень ароматного.

Дин молча сидел, глядя на переливы кофе в своей чашке и не обращая внимание на окружающий, параллельно с ним существующий мир. Улица медленно оживала, наполняясь негромким гулом и шумом жизни. Всё сильнее заворачивалось небо в пелену свинцовых, низких туч. Окна покрылись лёгкой изморозью, вырисовывающей на чистом стекле красивые, кружевные узоры. Джим смотрел на них, как замороженный, внимательно рассматривая каждый изгиб, каждую форму. Он не мог смотреть на Дина. Ещё никогда он не видел друга в таком плачевном состоянии. Он не мог понять причину таких сильных душевных терзаний. Джим понимал, что это не из-за разрыва отношений с Сарой, не из-за полночного, зверского убийства. Нет. В переживаниях Дина было нечто застарелое и некогда забытое, но теперь вновь явившееся на свет больного, встревоженного рассудка. Нечто разлагающее изнутри его сущность, превращающее его в холодного циника без веры и Бога. Дин никогда никого не любил. Было бы сложно представить девушку, присутствие которой он бы по-настоящему ценил и которую оберегал бы всеми силами и путями. Он так же, как и предыдущих не любил Сару. Дин не создавал иллюзий искренних, светлых чувств ни для себя, ни для неё. Она была лишь временной страстью из длинного списка, не оставляющей после своего ухода следов на каменном, жестоком сердце. Он относился к ней, как к пустой внутри игрушке, живой, красивой кукле, с большими синими глазами и чёрными кудрявыми волосами. Скоро ей надело такое потребительское отношение, и она ушла. Наверное, она хотела пробудить в нём чувства, ждала, что он будет пытаться её вернуть. Но Дину было всё равно. Его жизнь продолжала свой неизменный, безумный ход. Время не остановилось, вселенная не рухнула в бездну. Просто ушла ещё одна вещь, мнившая некогда себя великой и особенной личностью.

Дин немного расслабился и сделал глоток своего остывшего, горького кофе, словно ожидая, что это вернёт его к реальности. В колонках играла ненавязчивая, тихая музыка, и лишь она разрывала непроницаемую пелену гнетущей тишины, царившей в уютном кафетерии, сделанном на старинный манер. В больших цветочных горшках из глины, украшенных причудливыми рисунками, росли невысокие кустики, с пожухлыми листками и россыпью пурпурных цветов. Эти пурпурные цветы казались неестественно яркими и живыми в этой меланхолической, старинной обстановке, словно сошедшей с пожелтевших фотографий старой Англии. Снова и снова приходили к нему непрошенные воспоминания о матери. Сердце его сжималось от тоски по ней. Её глубокие, полные печали серые глаза и чёрные вьющиеся волосы до плеч... Казалось, стоит ему открыть глаза, и он увидит её вновь.

Джим с необъяснимой ностальгией смотрел на город, который считал своим родным. Он помнил наплыв туристов в 97, когда под городом нашли старинные катакомбы (позже выяснилось, что это была первая в Грейс-Сити канализационная система). Он помнил, как в дет-

стве они с друзьями рассказывали друг другу старые легенды города. Города расцветающего тайнами, мистикой и загадками, как лесные холмы дикими цветами по весне. Он помнил, как впервые влюбился в симпатичную девчонку из параллельного класса. Ему казалось, что детство было совершенно недавно и до него можно дотянуться рукой, как до свисающей с ветки чахнувшего дерева яркой, осенней, настоящей грозди рябины. Но жизнь и реальность обманчивы, наш мир таинственен и непостижим. Ведь мы не можем точно сказать, что такое реальность и есть ли в мире безумие. Для многих реальность – это то, что мы видим, но то, что видим мы нередко и есть необычное безумие. Выходит, что безумцы лучше понимают этот мир и не они уходят в свой укромный уголок, создавая иллюзии, а мы с вами рисуем приемлемые для нас картины, на которых изображена наша безумная реальность. Между миром безумия и реальности нет гигантской границы, но зато есть небольшой, хлипкий мост под названием жизнь. За что же хвататься, чтобы идти по этому мосту, если нити-помощники оборваны, и вы балансируете над этой бурной рекой? Что, правда, а что скользкая ложь?

Население Грейвс-Сити составляло 413 человек, 21 из которых работали в более больших городах, но проживали здесь. В основном это были молодые люди, которым не хватило денег на жильё в большом городе, были и те, кто заботились о престарелых одиноких, родственниках. Слухи здесь разносились быстро, как древняя и опасная болезнь, поражающая человеческие мысли, и скоро все узнают о жутком ночном происшествии. И многие захотят уехать из этого мрачного, наполненного тайнами окраинного городка навсегда, забывая туманные пути назад и обрывая хлипкие нити связи. Но пока они не знали об этом и спешили на встречу, своим маленьким проблемам и никчемным делам. Они всегда спешили куда-то, не останавливаясь ни на секунду чтобы подумать о своей незначительной и быстротечной жизни.

Джим неожиданно задумался о загадочном чувстве под именем любовь, не навещавшей его уже очень давно, но на веки связавшей с родным городом. В чём же природа любви? В чём её загадка? А в чём её смысл? Когда мы любим по-настоящему, то нередко не договариваем важных вещей. Но почему? Ведь, как говорят нам праведники, любовь – это честность. Так почему любя мы врём? Любовь – это смешение чувств и желаний, мгновений и слияний. Любовь это и добродетель, и разрушитель, ангел и демон, порок и непорочность. Истина любви сокрыта в глубине нашего сердца, нашей души. Любовь изменчива как поток, бьющий из скалы, который вроде бы и кристален, что ты можешь разглядеть галечное дно, но и это далеко от истины ведь ты можешь попасть в холодный омут. А за ним вновь разбитое сердце, которое не соберёшь по кусочкам, и после чего долго придётся, как дикому зверюлизывать глубокие раны, оставленные смертельным охотником. Но что потом? Что за следующим, невидным поворотом? Холодный ветер ненастных человеческих чувств вновь схоронит, любовь в безжизненной, ледяной пустыне, где полярное сияние будет играть на синем небосводе с иллюзией загадочной любви. Там живут только чувства, так рассудили время и жизнь, не ступить на хрупкий лёд мгновений людям и не взять в кладовую сердца частичку полярного сияния – знака небесного, холодного огня. Но даже когда любовный костёр погаснет в холодной темноте, угольки оставшихся чувств будут вечно дотлевать в душе, пуская тёмную дымовую завесу. Поэтому он боялся любить.

Размышления Джима прервала поспешно подошедшая испуганная Рита Кроссел. Лицо её было бледным как мел, а в глубоких и загадочных изумрудных глазах засела гнетущая тревога.

– Мне только что позвонил Тэд, – испуганно и быстро шептала официантка кафетерия «Эльза». – Вы же знаете, мой муж врач в городской больнице. Он сообщил мне, что несколько минут назад скончалась Кэтрин Сиетл, почти наверняка от сердечного приступа. Джек в отчаянье, ему вкололи успокоительного. Как же теперь он и Луис будут без неё. Бедолаги.

– Луису будет всё равно, – прохрипел Дин.

– Как ты можешь такое говорить?! Она же его мать! – завизжала Рита. Щёки её покраснелись, а на лбу выступили блестящие капли пота. Было видно, что она держится из последних сил, чтобы не впасть в истерику или отчаянье.

– Он мёртв, Рита. Луис мёртв. Мы с Дином осматривали тело на месте преступления. Его нашёл сторож возле склепа, на кладбище Сансет Хоррор, – удручённо прошептал Джим.

Рита без сил повалилась на стул, по щекам её сверкающими струями текли горькие слёзы скорби и алой боли. Она хорошо знала семью Сиетлов. Они жили через дорогу.

– От чего он умер, Джимми? Его убили? – пролепетала Рита, запуская руку в густые рыжие волосы.

Джим уже набрал в лёгкие воздух для того что бы дать правдивый ответ, но Дин его опередил.

– Он просто умер, Рита, вот и всё, – с нажимом произнёс он. Ему не хотелось пугать бедную женщину слухами о сумасшедшем маньяке.

– Люди, особенно дети, просто так не умирают! Мне ты не запудришь мозги, Дин! Я тебе не одна из твоих безмозглых кукол! От чего он умер Джимми?!

– Его убили, – виновато потупился Джим.

Рита пронзила его горячим, полным ненависти взглядом. Джим натянуто улыбнулся.

– Я знал Кэтрин Сиетл. Это была женщина с очень доброй и широкой душой. Она помогала всем нуждающимся, жаль, что у неё было слабое сердце.

– Моя дочь, Энни, дружила с Луисом, – вновь расплакалась Рита. – Он был хорошим мальчуганом. Часто бывал у нас дома. Сиетлы были образцовой семьёй, и тут такое горе. Я не знаю, как скажу об этом Энни.

Дин взял рыдающую женщину за правую руку, нежно поглаживая большим пальцем по ухоженной коже.

– Энни уже взрослая, она всё поймёт, – тихо прошептал он.

Рита вырвала свою руку из руки Дина, и гневно смерив его жгучими изумрудными глазами, отвернула лицо. Она скрестила бледные, нежные руки на груди Рита боялась. Тайным и неведомым уголком души она чувствовала опасность, нависшую чёрной смертельной тенью над городом и над её семьёй. Джим смотрел на неё сострадающим взглядом, а Дин молча и угрюмо смотрел в мутное окно.

– На праздники мы вместе с Кэтрин готовили, – безумно улыбаясь, нервно шептала Рита. – А наши дети были очень дружны. Иногда мне казалось, что между ними были чувства, ещё детские, ничего не значащие. Правда последнее время Кэтрин рассказывала мне, что Луис говорил во сне. «Иногда он подходит к окну и шепчет: «Я приду», – говорила она. – Рита меня это очень пугает. Мы даже ездили к психологу по этому поводу, но тот лишь пожимая плечами, сказал, что у детей бывает такое. Но Рита мне страшно. Он мне ничего не рассказывает, да и вообще стал последнее время, каким-то замкнутым. И он часто ходит на кладбище, с утра до вечера, он там. Джек один раз на него накричал, но на следующий же день Луис сбежал туда снова. «Мне страшно Рита». Так она вчера рассказала мне по телефону, вся в слезах. Но она сказала, что Луис ушёл ночевать к другу. Поэтому они его не искали. Как видно он соврал, – Рита снова разрыдалась. Дин виновато потупил взгляд. Он не верил в эту историю. У мальчика мог быть нервный срыв, а это кладбище могло быть для него укромным мирком, где он мог размышлять и уходить глубоко в одинокую душу.

Резко зазвонил телефон Риты, которая уже начала потихоньку успокаиваться. Она быстро взяла трубку, отходя от их с Джимом столика. До полицейских доходили лишь обрывки разговора:

– ... да Мег. Она умерла... ты права... Луис тоже... да это ужасно...

Дин печально вздохнул.

– Слухи разнесутся по городу как пожар. Ох, Джимми, этот город будет долго вспоминать эти события.

В слезах Рита вышла из зала, бросив полный надежды взгляд в их сторону. Наступила тишина... Она кружила, будто гигантская, древняя как само зло, хищная, смертоносная, но грациозная и завораживающая своей опасностью птица выжидала час нападения. Тишина – это ещё одно таинство этого мира, хрупкое как хрусталь, но властное как время. Её легко разрушить, будь то один неверный шаг или ветер, играющий с осенней листвой. Но тишина всегда рядом с нами медленно и бесшумно шагает по бульварам гремящего города, ища ещё одну жертву, которую поглотит в своё гнетущее нутро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.